

сившій знаменитаго мужа, Франческо Петрарку, украсить его именем Африку, если онъ не найдетъ ей высшаго назначенія¹⁾, и не во славу автора, а себѣ въ честь. Не знатныя имена дѣлають писателей извѣстными, писатели даютъ имъ извѣстность; къ хорошему труду ничего не прибавить королевское имя, дурной не защититъ отъ нареканій. Я же повторю тебѣ: я такъ упрямо гордъ²⁾, что развѣ Богу, но самому Цесарю или Сципиону не посвятилъ бы и одного стихотворенія, иначе какъ по ихъ просьбѣ или по дружбѣ. Пусть король извинитъ меня за откровенность и заставитъ умолкнуть тѣхъ, кто сталъ бы утверждать, что этотъ трудъ посвященъ ему не по его просьбѣ, написанъ не по его велѣнью.

Трудъ конченъ, сказано многое въ защиту его и автора, который самъ сознаетъ свои недостатки и проситъ короля исправить ихъ, пополнить, что нужно, украсить стилистически. Если же онъ отвлеченъ государственными обязанностями, то авторъ предоставляет себя на судъ людей вѣрующихъ и благочестивыхъ, особенно именитаго своего учителя Франческо Петрарки: пусть съ свойственнымъ имъ благодушьемъ они устраняютъ его заблужденія, либо направятъ ихъ на путь святой истины. Онъ будетъ доволенъ своимъ трудомъ, если удовлетворилъ короля; но не вмѣняй это мнѣ въ заслугу, заключаетъ онъ: не мнѣ честь, и не моему званію, а Тому, отъ Кого исходитъ все благое. Не намъ Господи, не намъ, а имени Твоему³⁾.

VII.

«Генеалогіи боговъ» заслуживали подробнаго разбора; послѣ Декамерона это второе казовое произведеніе Боккаччо: одно завершило его юность, другое его ученую зрѣлость; оба вызвали

1) Ni altius tribuisset.

2) Superbe obstinatus.

3) XV, 14.

оппозицію и защиту трудовъ и автора; между ними лежитъ періодъ колебаній и перелома къ ригоризму въ нравственныхъ понятіяхъ и, что для насъ важнѣе, къ классической эрудиціи отъ итальянской поэзіи: періодъ Корбаччьо; а между тѣмъ, у Генеалогій тѣ же враги, что и у Декамерона, отъ котораго Боккаччьо уже успѣлъ отречься. Онъ хотѣлъ идти впередъ и уходилъ, измѣнилось многое въ его міросозерцаніи, но осталась та же складка ума, тѣ же приемы мышленія, тѣ же критеріи, не вызванные и не измѣненные новымъ матеріаломъ знанія, который мы зовемъ гуманистическимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ составляющіе сущность гуманизма, какъ критическаго начала. Эту цѣльность направленія Боккаччьо, очевидно, не ощущалъ въ себѣ, но ее чуяла оппозиція.

Въ чемъ состояли нападки на автора Декамерона ¹⁾? Говорили что онъ занимается баснями, не дающими хлѣба, когда могъ бы заниматься дѣломъ; это нападки практиковъ; говорили особенно о его непристойности, о зломъ языкѣ, не щадящемъ, напримѣръ, монаховъ, и звали его на Парнасъ, къ серьезнымъ музамъ. Въ этихъ противникахъ не трудно угадать тѣхъ, отъ которыхъ ему придется, главнымъ образомъ, оборонять и поэзію: люди схоластическаго закала, старой литературной традиціи, святоши, замыкавшіеся отъ всего новаго, ибо оно грозитъ скандаломъ. Что имъ претило въ Декамеронѣ — мы знаемъ: не соблазнъ отдѣльныхъ новеллъ, — онѣ давно были въ обиходѣ, — а то, что эти новеллы собрались въ одну человѣческую «комедію ошибокъ», и въ нихъ ищутъ не одного смѣха, — его бы простили, — а матеріала эстетическихъ и психологическихъ наблюденій, цѣнныхъ сами по себѣ, внѣ счетовъ съ очередными нравственными воззрѣніями; это и вызвало скандалъ. Смѣхъ или осужденіе уживались съ старымъ критеріемъ нравственности, личный анализъ, не исключая смѣха, грозилъ ея устоямъ. Это было новшество Боккаччьо; новшество безсознательное: его рассказы люди на-

1) См. выше, т. I, стр. 533 слѣд.

божные, въ Декамеронѣ есть партіи, проникнутыя не только христіанскимъ, но и церковнымъ благочестіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ струѣ анализа пронесся незримый ядъ, и его результаты обѣщали сложиться въ систему личной нравственности, въ которой многое будетъ оправдано и многому прощено, что не оправдывалось и чему не прощали.

Перейдемъ къ противникамъ Генеалогій, то есть, собственно поэзіи. Петрарка защищала ее отъ нападеній медиковъ, также опровергая доказательства, почерпнутыя изъ Боеція; Боккаччо въ XIII-й эклогѣ ломалъ за нее копыя съ купцами, въ XII-й—съ юристами, врачами и богословами; въ Генеалогіяхъ число противниковъ поэзіи возросло: это неучи-тунеядцы и интеллигентные болтуны, юристы—и наконецъ тѣ же схоластики-богословы. Оставимъ неучей; врачи и юристы—это, очевидно, тѣ практики Декамерона, которые соблазняли Боккаччо хлѣбными занятіями, но и съ ними нельзя не считаться, какъ съ представителями известнаго образовательнаго преданія, средневѣковой системы знаній, въ которой поэзіи не было мѣста. Интеллигентные болтуны нахватились итальянскихъ книжекъ, да и своимъ схоластикамъ Боккаччо совѣтуетъ не ограничиваться такимъ чтеніемъ, а обратиться къ болѣе серьезному; разумѣются въ первомъ случаѣ тѣ энциклопедическія знанія, которыя составляли ученое содержаніе итальянской до-Боккаччевской литературы: отрывочные переводы кое-какихъ классиковъ, дидактическіе и правоучительные трактаты; схоластики-богословы приносили съ своей стороны спеціальную начитанность въ церковныхъ авторахъ и церковные взгляды. Это—чтенія Давте, за вычетомъ свѣтлой виргиліевской струи; схоластиковъ, противниковъ языческихъ поэтовъ, мы навѣрно встрѣтили бы въ той партіи, которая заподозрила Петрарку въ зависти къ творцу Божественной комедіи¹⁾, въ флорентійскихъ критикахъ Африки, которыхъ Петрарка вызывалъ написать что-нибудь по-латини, не ограничиваясь разглаголь-

1) См. выше стр. 278 слѣд.

ствованіемъ по угламъ, среди бабъ и шерстобитовъ, на народномъ языкѣ¹⁾.—Особо стоятъ въ вопросѣ о поэзіи средневѣковые рационалисты, поклонники Аверроэса, и тѣ новѣйшіе діалектики, которые осуждали Платона и Аристотеля и пожимали плечами надъ стилемъ Виргилія, потому что онъ слишкомъ злоупотребляетъ — союзами²⁾.

Обратимся къ схоластикамъ, изображеніе которыхъ у Боккаччо напоминаетъ характеристику монаховъ-святошей у Дамьяни³⁾, также падкихъ на кличку «равви». Ихъ протестъ противъ классической поэзіи обусловленъ ея религиознымъ и нравственнымъ содержаніемъ, то и другое къ соблазну вѣрующихъ; но нѣчто другое, бессознательное, стояло за этими мотивами, которые и въ XIV вѣкѣ могли казаться обветшалыми. Прошло то время, когда церковь поднималась противъ чтенія языческихъ авторовъ; ихъ не только читали, но и пересказывали, путемъ аллегоризма сюжеты и символы мифа успѣли занять мѣсто въ духовной живописи; мифы обезвреживались иносказаніемъ, «морализовали» такимъ образомъ самого Овидія. Ко всему этому приучились; въ чемъ же вина Боккаччо? Въ самой затѣѣ Генеалогій, въ массѣ мифологическаго матерьяла, послѣдовательно истолкованнаго. Какая-нибудь скандальная новелла, къ какимъ бы ни вела она сомнительнымъ этическимъ выводамъ, не поражала; но сто одна новелла Декамерона указывали на начала этики, независимой отъ церковныхъ книгъ. Отдѣльные мифы толковались иносказательно; это была остроумная забава, не манившая къ обобщенію; въ связи Генеалогій забава очутилась серьезнымъ откровеніемъ: за богами новѣйшей героической формации являлись другіе, въ которыхъ древній человѣкъ выразилъ свои понятія о единомъ началѣ сущаго и его проявленіяхъ, свои сильныя стремленія къ добродѣтели и истинѣ. Этотъ взглядъ, лишь

1) Sen. II, 1.

2) Sen. V, 2.

3) Opusc. XII, 17.

кое-гдѣ нарушенный демонизмомъ, поднималъ этическое содержаніе язычества, ставя его не только хронологически, но и по существу, внѣ критики христіанства; чѣмъ виноватъ Виргилій, что не причастенъ истинной вѣрѣ? Онъ былъ бы славой христіанскаго имени. Еслибы Орфей, Виргилій и Овидій постоянно держались того, что смутно ощущали по навітю природы (то-есть, идею единобожія), они пришли бы къ пониманію той-же истины, что и мы, говорилъ Лактанцій ¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ поднималось и значеніе языческой поэзіи, какъ выразительницы міа; эта было не нѣчто вредное и лишь терпимое, а высокое искусство, и призваніе, и дѣло, довѣяющее само себѣ, и лишь уклоненія отъ его идеала вызываютъ порицаніе; неясныя, таинственныя нити объединяли ее на разстояніи тысячелѣтій, сблизили Музея съ Моисеемъ, заставили языческихъ поэтовъ вступить на стези пророческихъ пѣвцовъ, всѣхъ — искать на разныхъ путяхъ одной и той же истины и беречь ее отъ толпы въ драгоценной оправѣ иносказаній. — И здѣсь опека церкви устранялась; поэзія искала себѣ оправданія въ томъ самомъ принципѣ аллегоризма, въ которомъ церковь находила осужденіе міа. Такъ измѣнился критерій, что Боккаччо ратуетъ за поэзію оружіемъ Лактанція.

Поэзія-богословіе — это идея, высказанная Петраркой, и не имъ впервые, но только Боккаччо обставилъ ее массою примѣровъ, разработалъ аналитически, и получилась система, заставившая схоластиковъ волноваться, какъ отъ нравственныхъ выводовъ Декамерона. Съ схоластиками и считается Боккаччо, защищаясь и нападая; онъ ихъ не уважаетъ, они глупы, но сильны другимъ, и онъ старается показать, что въ состояніи биться ихъ-же оружіемъ, и постоянно заявляетъ о своемъ правотѣ. Мы знаемъ, что былъ и другой поводъ къ такимъ заявлениямъ, психологическій: въ колебаніяхъ, иногда овладѣвавшихъ Боккаччо, въ невольныхъ сомнѣніяхъ, когда на новыхъ путяхъ

1) Div. Inst. I, 5.

передъ нимъ внезапно возставалъ грозный призракъ прошлаго. Его старый знакомый, Пьетро да Монтефорте, «хозяинъ Піэриды», писалъ ему, что его книга о языческихъ богахъ какъ бы чуждается таинствъ христіанской религіи¹⁾; онъ объяснялся и защищался, вторя Іоанну Салисберійскому, что языческихъ поэтовъ подобаетъ читать лишь людямъ, крѣпкимъ въ вѣрѣ; когда какой-нибудь наивный мистикъ, вроде Чьяни, пугалъ его вѣчными муками, его воображеніе настраивалось на ужасное, онъ падалъ духомъ но, какъ клерикъ старой легенды, онъ навсегда обручился съ статуей древней богини; поэзія антика увлекала его безсознательно въ тотъ чудесный міръ,

où le ciel sur la terre
 Marchait et respirait dans un peuple de dieux;
 Où Vénus-Astartè, fille de l'onde amère,
 Secouait, vierge encore, les larmes de sa mère
 Et fécondait le monde en tordant ses cheveux;
où les nymphes lascives
 Ondoyaient au soleil parmi les fleurs des eaux
 Et d'un éclat de rire agaçaient sur les rives
 Les Faunes indolents couchés dans les roseaux....
 Où tout était divin, jusqu'aux douleurs humaines.
 (Musset, Rolla).

И Боккаччо снова неудержимо тянуло въ святилище языческихъ боговъ, и онъ вступалъ въ него съ амулетами молитвы и Символа вѣры, — потому что ему не жить безъ поэзіи, которую онъ отождествляетъ съ этикой, съ человѣчнымъ содержаніемъ латинской древности. Онъ по призванію поэтъ. Не даромъ сказалъ онъ о себѣ въ своей эпитафій:

Studium fuit alma poesis.

VIII.

Люди дѣйствительно даровитые никогда не ошибаются на счетъ своей даровитости, но часто цѣнять въ себѣ не то, что

1) Сл. выше т. I, стр. 103—4.